

АИНА

РОМАН

18+

Дмитрий Бугаев

Анна

«Автор»

2026

Бугаев Д.

Анна / Д. Бугаев — «Автор», 2026

Один дом пал, один род был уничтожен, а двое выживших оказались один на один с миром, где человеческая жизнь стоит дешевле золота. Молодая дворянка и загадочный фехтовальщик вынуждены бежать через охваченную войной страну. По их следу идут заговорщики, убийцы и призраки прошлого, а впереди лежит путь, который изменит их обоих навсегда. Но самая страшная опасность скрывается не среди врагов.

© Бугаев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Неделей ранее...	8
Глава 2	17
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Бугаев

Анна

Глава 1

Клавикорд звучал ужасно. Не потому что инструмент был плох. Потому что за ним сидел Данте.

— Нет, нет, нет, да что ты делаешь вообще?! — Анна в сердцах ударила ладонью по крышке инструмента. — Это не драка на ножах.

— Я стараюсь придать музыке драматизма.

— Ты придал ей предсмертные судороги.

Данте лениво откинулся на спинку стула, рассматривая клавиши так, будто они нанесли ему личное оскорбление.

— Невероятно капризная штука. Почему половина звуков похожа на страдания умирающей птицы?

— Потому что ты бьешь по клавишам так, словно выбиваешь кому-то зубы.

— Ага. Значит, нужна нежность.

Он снова коснулся клавиш. На этот раз мелодия умирала медленнее и не в такой жуткой агонии.

Девушка закрыла глаза рукой.

— Господи...

— Но уже лучше, — заметил Данте

— Лучше было бы, если бы ты вообще не прикасался к инструменту.

Он усмехнулся. Вечная эта усмешка. Будто весь мир существует исключительно ради того, чтобы его развлекать.

Анне это действовало на нервы.

— Ты нарочно меня раздражаешь.

— Разумеется. Иначе зачем мне вообще здесь находиться?

Она хотела ответить что-то колкое, но, не успев открыть рот, замерла. Где-то далеко внизу раздался глухой удар. Они оба прислушались. Тишина. Спустя короткое время снова раздался удар. Сильнее прошлого. Будто что-то массивное ударилось о ворота.

Анна недоуменно нахмурила аккуратные брови.

— Поздновато для гостей.

Данте не ответил. Впервые за вечер с его лица исчезла привычная ирония. Снова удар, жалобно затрещало дерево ворот.

И почти сразу раздался истошный крик во дворе, приглушенный стенами дома, но быстро оборвавшийся.

Анна вскочила. Резной стул, стоявший рядом с клавикордом опрокинулся с грохотом.

— Что происходит?..

Данте подошел к окну и слегка отодвинул штору. Снаружи полыхал свет факелов. Много света, очень много

Во дворе мелькали неизвестные лица, переворачивали все вверх дном.

Люди тащили к фонтану в центре имения пожилого конюха, бедняга пытался отчаянно сопротивляться. Еще утром он передавал Данте поводья его лошади, теперь же он неподвижно лежал в белоснежном фонтане из мрамора.

— Неужели сейчас, почему так скоро?... — проговорил он про себя

— Что?

— Оставайся здесь.

Внизу раздался чудовищный грохот. И почти сразу дом наполнился ревом толпы.

— Смерть советникам! — Тащите ублюдка наружу! — Жечь все!

— В петлю его!

Анна побледнела.

— Отец...

Данте снял с пояса рапиру, отбросил легкие ножны, взмахнул несколько раз, разогревая кисть. Снизу донесся звук ломающейся двери, вслед за ним крики ничего не понимающих слуг.

— Какая досада, — сказал Данте. - Я только начал понимать, где у этой проклятой штуки правильные клавиши.

В коридоре второго этажа уже слышался топот.

Кто-то отчаянно заколотил в дверь комнаты.

— Госпожа Анна! Бегите! Они внутри!

Данте направился к выходу.

Анна схватила его за рукав.

— Их много.

Он посмотрел на нее через плечо.

— Тем интереснее.

Неделей ранее...

Мраморные ступени дворца были влажны после вечернего дождя, и золотистый свет фонарей ложился на них длинными полосами. Граф Лирано ди Неббиа и, по совместительству, советник по внутренней политике нынешнего канцлера, а также отец Анны поднимался неторопливо, опираясь на трость скорее по привычке, чем по необходимости. Его темный плащ мягко скользил по камню, а рядом, чуть позади, шел Данте — в черном камзоле и длинном плаще с бордовым подбоем. Рука его покоилась возле эфеса рапиры не из угрозы, а так же естественно, как у музыканта лежит ладонь на струнах инструмента.

— Ты называешь убийство искусством, — произнес граф с любопытством ученого. — Но искусство рождает красоту. Как смерть может быть красивой?

Данте едва заметно улыбнулся уголком губ.

— Красота не в смерти. Красота в исполнении. В точности. В понимании человека настолько глубоком, в знании, каким будет его последний взгляд, последнее движение руки, последняя мысль. Большинство убийц — мясники. Они ломают форму. Искусство же требует меры.

Отец Анны бросил на него внимательный взгляд.

— Значит, жестокость — не искусство?

— Жестокость - примитив. Искусство — это контроль. Почти милосердие. Настоящий мастер никогда не наслаждается страданием. Он создает завершение.

Они прошли под аркой внутреннего двора. Лакеи у входа учтиво склонили головы. Из открытых окон дворца лилась музыка клавесина и гул вечернего приема.

Навстречу им вышел седой дипломат в серебряном камзоле.

— Граф, какая неожиданная честь!

Лирано приветливо улыбнулся, коснувшись пальцами груди.

— Барон Леваль. Рад видеть вас в добром здравии.

Барон перевел осторожный взгляд на Данте и слегка качнул головой. Телохранитель графа ответил спокойным кивком, почти учтивым. Его знали многие во дворце, но лишь по слухам и домыслам, поэтому никто не спешил завязывать с ним знакомств. Данте был этому только рад.

— Ваш спутник все так же молчалив? — осторожно заметил барон.

— Напротив, — сказал отец Анны с легкой усмешкой. — Сегодня он рассуждает об эстетике смерти.

Барон нервно рассмеялся, не понимая, шутка это или предупреждение.

Они двинулись дальше по галерее дворца. Данте смотрел на картины старых мастеров почти с той же сосредоточенностью, с какой солдат изучает поле боя.

— Видите, — тихо произнес он, остановившись у огромного полотна с изображением города, с высыпавшими на улицу людьми, и страшного, в любую секунду готового взорваться вулкана, — художник убрал все лишнее. Оставил только миг перед катастрофой. Именно поэтому картина живая.

— И ты стремишься к тому же? — спросил граф.

— Да. Любое великое искусство — это умение отсечь лишнее. Даже в человеческой жизни.

Когда они наконец покинули дворец, город уже давно спал. Карета мягко покачивалась на пустынных ночных улицах, колеса глухо стучали по камню мостовой, а редкие фонари выхватывали из темноты мокрые после вечерней сырости стены домов. Изредка встречались идущие на встречу люди: ремесленники, поздно возвращающиеся с работы; пекари, допоздна делавшие заготовки на следующий день, чтобы с раннего утра снова приступить к работе.

Прием затянулся далеко за полночь. Для Данте это был один из тех вечеров, которые он ненавидел всей душой. Нескончаемые разговоры и фальшивые улыбки. Политические намеки, тщательно завернутые в любезности. Он почти весь вечер простоял у стены главного зала, лениво наблюдая за происходящим и отвечая на редкие вопросы ровно настолько, чтобы от него наконец отстали.

— Ты выглядел так, будто тебя приговорили к каторге, — мягко заметил советник по дороге домой.

— Каторга хотя бы честнее, — спокойно ответил Данте, глядя в окно кареты.

Когда они добрались до поместья, ночь уже окончательно вступила в свои права. Пожилой конюх перехватил поводья у кучера, и они вместе принялись распрягать лошадей, изредка тихо переругиваясь.

Сад утопал в темноте, только дорожки серебрились под луной. В небольших лужах отражался свет фонарей. Изредка по поверхности проходила небольшая рябь, когда с ветки соскальзывала небольшая капля.

Данте с наслаждением тянул носом прохладный и влажный от недавнего дождя воздух. Цвели глицинии и сирень. Особенно приятно это ощущалось после душного зала дворца, пропахнувшего литрами парфюма, который выливали на себя придворные дамы. Данте всегда отслеживал их перемещение на приемах и его первостепенной задачей было избежать любого контакта с ними, иначе запах останется с ним и его одеждой как минимум на следующий день.

Поднимаясь по ступеням к дому, они оба почти одновременно услышали клавишин. Одно из окон второго этажа было слегка приоткрыто, и прохладный ночной воздух выносил мелодию наружу.

Анна не спала.

Граф остановился на мгновение и устало покачал головой, но без настоящего раздражения.

— Опять сидит до ночи за инструментом, — произнес он скорее с мягкой обреченностью, — Когда-нибудь она окончательно перепутает день и ночь.

Он двинулся дальше к дверям. Данте пошел следом. А потом незаметно замедлил шаг всего на несколько секунд.

Музыка лилась из окна удивительно мягко. Анна играла не так, как придворные музыканты. Данте не любил их слушать. Их музыка была неживой и каждый раз звучала одинаково. На месте канцлера Данте уже бы давно выгнал таких музыкантов, относящихся к своей профессии как к ремеслу. У нее же мелодия всегда звучала живой. Что-то неуловимое делало ее совсем непохожей на мертвую музыку дворца.

Легкий ветер шевелил темные пряди волос, где-то в саду тихо стрекотали ночные насекомые, а музыка струилась сверху в ночную тишину.

Уже стоя у дверей дома, граф чуть повернул голову и спокойно произнес:

— Ты бы сказал ей когда-нибудь, что тебе нравится ее игра.

Данте моргнул, будто его поймали на чем-то совершенно недопустимом.

— Что?

В голосе впервые за вечер мелькнуло настоящее замешательство.

Граф едва заметно улыбнулся.

— Она бы обрадовалась.

— Не думаю, что Анна переживет такой удар, — быстро отозвался Данте, вновь возвращая привычную насмешливую интонацию. — Она и так слишком высокого мнения о своих талантах.

— Разумеется.

— К тому же, — продолжил Данте уже спокойнее, — если я начну ее хвалить, она станет совершенно невыносимой.

Граф тихо усмехнулся и открыл дверь.

— Не переживай. Я сохраню твою тайну — полушутливо произнес отец Анны

Данте только качнул головой, пряча внезапное смущение за привычной полуулыбкой. И вошел следом за графом.

Данте вставал раньше солнца.

Дом в эти часы стоял совершенно тихий, темный и сонный. За окнами только начинало сереть небо, сад утонул в прохладном предрассветном тумане, а слуги еще спали в своих комнатах. Именно тогда Данте просыпался. Резко, будто вообще не спал.

Однажды, спустя непродолжительное время после его появления, Анна столкнулась с этим почти случайно.

Она проснулась очень рано, еще до рассвета, и, недовольно кутаясь в теплую накидку, вышла из своей комнаты. Коридоры были темными, лишь редкие свечи тускло освещали стены. И именно в этот момент дверь комнаты Данте резко распахнулась.

Анна едва успела отшатнуться. Сам Данте, уже полностью одетый, на секунду замер, явно не ожидая встретить кого-то в такой час.

— Боги!

— Ты чего бродишь по дому как привидение?

— Это я привидение?.. — раздраженно прошептала она, поправляя волосы. — Нормальные люди вообще-то спят в это время.

Он только тихо фыркнул и быстро захлопнул дверь за собой. Но прежде чем дверь закрылась, Анна машинально скользнула взглядом внутрь комнаты, освещенной редким пламенем свечи. Кровать Данте представляла собой длинную и широкую лавку, остальные части кровати мирно покоились в углу рядом с ней. Ни подушки, ни одеяла, лишь тонкая мягкая простынь висела поперек ужасной постели. Большого Анна не смогла рассмотреть. Она даже не успела ничего спросить.

А Данте спокойно пошел вниз по лестнице, будто ничего необычного в этом не было. Тогда это показалось ей просто очередной его странностью. Спустя время она осознала, что совершенно не представляет, как этот человек жил раньше. Он никогда не рассказывал, а она почему-то не спрашивала.

Каждое утро Данте начинал одинаково. Это утро не было исключением.

Первым делом с пробежки.

Затемно выбегал он из усадьбы, миновал дворянские и ремесленные кварталы, оказавшись за городом. Бежал по почти незаметной тропинке, которая вела к развалинам монастыря. От него остались лишь внешние стены, местами обвалившиеся, и кладка внутреннего двора. Всюду росли кустарники, по стене вился плющ. Весной стена внезапно оживала, начинала пестреть яркими красками, когда распускались дикие цветы, росшие из нее. Данте любил это место.

Потом он упражнялся в метании ножей. Раньше он делал это в стенах монастыря, но с наступлением народных волнений и крайне подозрительных смертей мелких дворян при дворе, стал как можно быстрее возвращаться после пробежки обратно в усадьбу. Не нравились ему события последних месяцев. Данте подумывал вместо бега до монастыря, заменить это намазыванием кругов вокруг имения.

Анна в это время мирно спала в своей постели. Рядом лежала полуоткрытая книга, одна рука лежала поперек страниц — она заснула читая. Кто-то заботливо потушил свечу, при свете которой она обычно читала по вечерам, хоть отец и пытался ей запретить читать при свечах.

Сквозь небольшую щель в закрытых шторах в комнату едва начал проникать солнечный свет. Коснулся ее лица, заставив немного поморщиться и перевернуться на другой бок.

И тут, среди идеальной тишины появился один повторяющийся звук.

Тук.

Тук, тук.

Тук.

Анна резко села в постели раздраженно засопев. Вскочила, немного раздвинула тяжелые шторы.

Данте метал ножи в деревянный столбик, который он сам вкопал среди куста сирени к великому ужасу садовника. Ножи летели из разных положений, в кувырке или прыжке, из за спины, меняя хват и руки. Иногда метал сразу два одновременно.

Анна поймала себя на том, что уже некоторое время наблюдает за тренировкой. Все таки был в этом некий шарм, хотя она и убеждала себя в отсутствии интереса ко всем этим «железякам». Было в этом что то настоящее и живое, чего не хватало ей в занятиях при дворе. Одернув себя и напустив раздраженный вид, она выглянула из окна и сердито захлопнула его.

К тому моменту, когда Данте заканчивал тренировки, дом начинал просыпаться. Из кухни уже тянуло запахом свежего хлеба и трав. Кухарка ворчала на помощницу, торопя ее на рынок, чтобы успеть купить горячую выпечку, которую привозили к утру.

Садовник, мужчина в годах по имени Бернارد, подстригал кусты в саду с таким сосредоточенным видом, будто занимался государственной важности делом. Хотя даже самый придирчивый человек не смог бы найти в этих кустах ни одной неровной ветки. Изредка косился он на столб среди кустов сирени, в котором торчали ножи.

Отец Анны обычно уже просматривал утренние бумаги за столом. Сейчас он сидел и неодобрительно качал головой. Беспорядки в некоторых регионах страны усиливались. Люди все больше были недовольны бесполезной и кровопролитной войной, которая слишком затянулась. Никто не хотел отдавать судьбу своего сына в руки какому-нибудь дурацкому военачальнику. Граф изо всех сил пытался донести свою позицию до канцлера, но все было тщетно, доводы разбивались о железную стену непонимания. Канцлер продолжал придерживаться политики отрицания проблем, каждый раз уверяя своего советника в излишней тревожности.

Данте неспешно пил кофе — странный горький напиток, который он покупал на рынке у очень смуглого старика. Анна краем уха слышала как то их разговор на южном диалекте. Данте говорил на удивление певуче и чисто. Ее ментор тоже знал этот язык, но говорил на нем совсем по другому.

— Откуда ты знаешь этот диалект? — спросила она еще давно.

— Я много что знаю — уклонился тот от ответа.

Данте варил его всегда сам, в специальной посуде, на подносе с насыпанным песком.

Анна неизменно появилась позже всех. С растрепанными после сна волосами.

— Если я однажды умру от недосыпа, — мрачно произнесла она, — виноват будет исключительно этот маньяк с ножами.

Данте, уже успевший поесть, поднял взгляд от чашки.

— Ты слишком драматична.

— Ты меташь ножи на рассвете!

— Да, метко, кстати.

— Нормальные люди спят в такое время.

— Нормальные люди проигрывают поединки и умирают.

Анна со вздохом потянулась за чашкой.

— Когда-нибудь я выброшу все твои ножи в пруд.

— Тогда я начну метать вилки.

После завтрака все трое отправлялись во дворец. Анна —получать знания от своего ментора, а граф за новой порцией бумаг, с которыми следовало ознакомиться.

Карета мягко покачивалась на мостовой. За окнами медленно проплывали утренние улицы столицы: открывающиеся лавки, сонные ремесленники, спешащие куда-то слуги, редкие всадники городской стражи. Небо еще оставалось бледным после рассвета, город начинал оживать.

Граф сидел напротив дочери, углубившись в свои мысли, едва обращая внимание на происходящее вокруг. Анна уже минут пять раздраженно барабанила пальцами по подлокотнику. Данте сидел рядом с дверцей кареты, лениво наблюдая за улицей через окно.

— Если он сегодня опять начнет рассказывать про «государственный разум», — угрюмо произнесла Анна, — я выброшусь из окна кареты прямо на ходу.

Граф, оторвавшись от мыслей, устало ответил:

— Не преувеличивай.

— Отец, он способен час говорить так, чтобы не сказать вообще ничего.

— Он один из лучших наставников столицы.

— Лучший наставник страны два часа рассказывал о природе государственного устройства, потом сам же запутался в собственных мыслях, а потом уснул!

— Звучит как выдающийся мыслитель, — выдал свою оценку Данте.

Анна тут же повернулась к нему.

— Вот! — победно ткнула в него пальцем Анна. — Даже Данте согласен со мной.

Граф покачал головой.

— Боюсь, мнение Данте в вопросах образования...

— Крайне объективно, — закончил за него Данте.

Так, за разговорами они добрались до заднего двора дворца. В дни, когда не было приемов, все заходили через Малый вход. Странная прихоть — отмечал его телохранитель, и граф был с ним согласен. У канцлера было много странных прихотей.

Днем дворец напоминал переполненный муравейник. Кто-то постоянно спешил, кланялся, шептался, пытался произвести впечатление на окружающих. Всюду носились слуги. Данте находил это утомительным. Суету он на дух не переносил. Потому теперь он сидел в дальней галерее второго этажа, подальше от главных залов, лениво развалившись на деревянной скамье возле высокого окна.

Снаружи медленно клонился к вечеру день. Золотистый свет ложился на мраморный пол длинными полосами.

Рядом на скамье лежала его рапира и раскрытая книга, которую он, судя по всему, давно уже не читал. Мимо периодически проходили придворные.

Часы пробили три. Вскоре после этого, слуга, мальчик лет двенадцати, сообщил, что занятие леди Анны затянется.

— Господин Данте, леди Анна просила передать, что ее занятие задержится

Данте тяжело выдохнул и махнул рукой, отпуская его. Когда мальчишка поспешно ушел, он запрокинул голову к потолку.

— Конечно. Почему бы и нет.

Коридор, ведущий во внутренний двор дворца, тянулся длинной полосой холодного камня, мрамора и золота. Высокие окна пропускали тусклый вечерний свет; он ложился на пол длинными бледными прямоугольниками, между которыми дрожали огни настенных канделябров. В это время дворец пустел.

Анна шла чуть впереди. Шаги эхом отражались в тишине длинного коридора. Темные, как ночное небо без звезд, волосы подергивались в такт. Глубокий синий бархат мягко переливался в свете свечей, а сапфиры в украшениях вспыхивали холодными искрами. Данте двигался рядом — руки за спиной, черный плащ лениво касался пола. На поясе покоилась рапира с тонкой гардой.

— Ты опять делаешь вид, будто не слышишь меня,— резко сказала Анна, не оборачиваясь.

Она вышла от ментора крайне раздраженной затянувшейся лекцией. Данте уже и не помнил из-за чего возник этот спор. Он не винил в этом Анну. Пожилой ментор наверняка любого мог бы довести до такого состояния.

— Я слышу каждое слово, — спокойно ответил Данте.

Она остановилась и повернула голову.

— Иногда ты ведешь себя как последний хам.

— А иногда ты споришь ради самого спора.

В ее глазах мелькнуло раздражение.

— Не все можно решать высокомерным молчанием и угрозой быть проткнутым твоей железкой.

Данте усмехнулся уголком губ.

— Забавно слышать это от человека, выросшего среди людей, решающих все титулами и фамилиями. Впрочем, в этом твоей вины нет.

Анна уже хотела ответить, но неподалеку раздался резкий звук каблуков.

Молодой офицер быстрым шагом вышел из боковой галереи. Его серебряные эполеты блестели почти так же ярко, как самодовольство в его глазах. Он был красив той безупречной, тщательно воспитанной красотой: идеально выверенная осанка, безукоризненно уложенные волосы, тонкие черты лица.

Он давно добивался внимания Анны. И давно ненавидел Данте.

Офицер остановился рядом, бросив на Данте взгляд, полный презрения.

— Леди Анна... — он коротко поклонился ей, — надеюсь, я ослышался.

Анна устало прикрыла глаза.

— Не сейчас.

Но офицер уже смотрел только на Данте.

— Как вы смеете говорить с ней подобным тоном?

— Очень просто. Открываю рот и говорю.

Офицер побледнел от ярости.

— Вы забываетесь.

— Нет, — лениво ответил Данте. — Я как раз прекрасно помню, кто я и где нахожусь.

— Вы — вооруженный мужлан, которого почему-то терпят рядом с ней! — голос офицера сорвался. — Человек без имени, без положения, без воспитания!

Данте развернулся и продолжил идти, словно слова вообще не касались его.

— Я требую сатисфакции! — выкрикнул офицер и с металлическим звоном выхватил шпагу.

Данте прошел еще несколько шагов. Потом остановился.

Медленно повернул голову через плечо.

— Я не собираюсь драться с птенчиком, — произнес он ровным голосом— Тебя хоть шпагу держать научили?

Офицер вспыхнул.

— Ублюдок!

И бросился вперед.

Анна вскрикнула:

— Прекратите оба!

Клинок офицера со свистом рассек воздух там, где мгновение назад была грудь Данте.

Данте не коснулся рапиры. Второй выпад. Третий.

Шпага мелькала быстро — офицер действительно был талантлив для своего возраста. Его движения были выверенными и техничными. Данте уходил от ударов лениво, почти оскорби-

тельно легко. Поворот корпуса. Полшага назад. Легкий наклон головы — и острие проходило в сантиметре от щеки.

— Данте! — снова крикнула Анна. — Хватит!

— Если просят так настойчиво, — спокойно сказал он, уклоняясь от очередного удара. — Я удовлетворю его просьбу.

Они вышли во внутренний двор. Прохладный воздух ударил в лицо, факелы отбрасывали дрожащие тени на каменные стены. Несколько стражников замерли у арок, не решаясь вмешаться.

Шпага офицера двигалась все медленнее. Данте — нет. Он был не быстрее человека. Он был быстрее намерения. Каждый выпад офицера разбивался о пустоту. Каждая попытка достать Данте выглядела все более жалкой.

Наконец молодой дворянин тяжело вдохнул, подобрался и сделал отчаянный рывок вперед, нанеся резкий укол прямо в сердце. Данте, вместо того, чтобы отшатнуться от удара, шагнул навстречу клинку, в последний момент отклонил рапирой шпагу оппонента.

Вспышка стали. Офицер замешкался. Еще короткий шаг вперед. Взмах рукой, ложный выпад.

— Данте!

Офицер застыл.

Кончик рапиры Данте касался его шеи. Так легко, что сначала казалось — клинок вообще не дотронулся до кожи. Потом по белому воротнику скатилась тонкая капля крови. За ней вторая.

Офицер смертельно побледнел. Потом позеленел. Он даже не понял, когда проиграл.

Данте смотрел на него холодно.

— За то, что ты еще можешь дышать этот чудесный воздух, благодари леди Анну, — произнес он.

Офицер судорожно сглотнул, чувствуя острый холод стали у горла.

Данте убрал клинок одним плавным движением. Развернулся. И, проходя мимо, бросил через плечо:

— Счет за урок фехтования пришлю позже.

Офицер остался стоять неподвижно, с дрожащими руками и тонкой полосой крови на шее.

— Теперь он никогда ко мне не подойдет, — злостно шептала Анна, когда Данте подошел к ней. — Из-за тебя.

— Брось. Будто-то тебе есть до него какое-то дело, — буркнул Данте.

Утро следующего дня началось для Анны абсолютно так же, как и прошлого, только сегодня с самого утра шел мелкий дождь. Из окна немного тянуло холодом. Равномерный стук снова нарушил ее сон. Анна обреченно накрыла голову подушкой, но это помогло лишь чуть. Прошлепав босыми ногами и выглянув из окна, она застала ту же самую картину: Данте метал ножи, только сегодня он решил завязать себе глаза и делал бросок полагаясь на ощущения. Девушка еще немного злилась на него за вчерашнюю выходку, впрочем тот офицер был сам виноват, когда сунул нос не в свое дело. Где-то в глубине души она была почти благодарна. Теперь-то этот офицер вряд-ли будет оказывать ей знаки внимания. Анна поежилась и по инерции хотела что-то выкрикнуть из окна, как вдруг вспомнила что сегодня за день.

Подготовка к ежегодному турниру начиналась за неделю до самого состязания. В столице это событие любили почти так же сильно, как политические скандалы. По улицам уже развешивали знамена, кузнецы неделями не выходили из мастерских, а дворяне с азартом обсуждали фаворитов. Молодые офицеры хвастались новыми клинками, старики вспоминали поединки своей юности, а по тавернам расползались слухи о мастерах, прибывших из других городов. А с наступлением войны, это был один из немногих способов отвлечься и отдохнуть.

Но каждый раз Данте с равнодушием отказывался от участия. И каждый раз Анна не понимала, как человек, для которого фехтование было почти религией, может игнорировать крупнейший турнир страны.

В прошлом году она и вовсе решила ничего ему не говорить за турнир. Но в этот раз она решила попробовать. В последний раз. Если не выйдет, то она уже никогда не будет говорить ему про эти дурацкие соревнования.

За завтраком в этот раз сидели Анна и Данте. Граф лишь пожелал всем доброго утра и приказал подать завтрак к себе в кабинет. Последнее время такие случаи перестали быть исключением.

— Данте...

Молодой человек уже закончил есть и читал книгу, развалившись на стуле и лениво потягивая кофе.

— Нет.

— Ты даже не дал мне закончить!

— Я уже знаю, чем все закончится.

— В этом году будет участвовать мастер Ривель из южных провинций. Говорят, он выиграл двенадцать дуэлей подряд.

— Какая трагедия.

— Данте.

— Что?

Она уперла руки в столешницу.

— Ты опять собираешься делать вид, будто тебе все равно?

— Мне действительно все равно.

Анна недоверчиво уставилась на него.

— Ты живешь ради фехтования.

— Нет, — спокойно ответил Данте. — Я живу ради хорошего фехтования. А турнир — это сборище самовлюбленных павлинов, машущих железом ради аплодисментов.

— Ты просто боишься проиграть.

Данте медленно поднял глаза от книги, посмотрел на девушку будто она заболела, и снова нашел взглядом предложение на котором остановился.

— А что? — вспыхнула Анна. — Разве нет? Ты вечно рассказываешь о философии боя, а потом прячешься каждый раз, когда весь город собирается увидеть лучших!

— Потому что лучшие туда не приходят.

— Конечно. Очень удобно считать себя выше всех, сидя в кресле.

Он тихо усмехнулся.

Анна резко поднялась и начала ходить по комнате.

— Ты знаешь, что о тебе говорят при дворе?

— О, это моя любимая часть.

— Что ты просто хорошо одетый головорез с рапирой.

— Звучит гордо.

— Что ты трус, который избегает настоящих противников!

Данте хлопнул книгу.

— Твои придворные щенки называют турниром балет с клинками, где половина участников думает о том, как красиво выглядит в момент выпада.

— Потому что они не хотят убивать друг друга!

— Тогда пусть идут танцевать.

Она зло посмотрела на него. И вдруг выпалила прежде, чем успела подумать:

— Если ты выиграешь турнир, я целую неделю буду утром варить для тебя эту ужасную горькую жижу!

Данте моргнул. Анна поняла, что сказала лишнее. Но было поздно.

— Более того! — на эмоциях продолжила она. — И я ни разу за всю неделю не назову тебя невоспитанным дураком!

Тишина. Даже дождь за окнами будто стал тише. Данте медленно выпрямился на стуле. Впервые за все утро на его лице появилось не привычное ленивое веселье, а живой, почти мальчишеский азарт.

— Целую неделю? — переспросил он.

Анна скрестила руки.

— Да.

— И ты будешь варить его как я покажу?

— Да!

— Добровольно вставать в самую рань?

— Данте, клянусь..

Он вдруг рассмеялся. И так резко поднялся с места, что Анна невольно замолчала.

— Прекрасно, — заявил он с неожиданной эмоциональностью. — Я участвую.

— Что?..

— Ты сама предложила условия сделки. Отступать поздно.

— Подожди, я..

— Нет-нет, — Данте уже направился к двери с совершенно довольным видом. — Свидетели были. Камин слышал.

— Данте!

Он остановился у двери и обернулся.

— Надеюсь, цвет моего плаща подойдет к твоим сапфирам, Анна. Было бы ужасно испортить тебе образ.

Глава 2

Амфитеатр возвышался среди холмов к востоку от столицы, будто древний каменный зверь, переживший уже не одно поколение людей. Его строили еще во времена прошлых династий — для театральных представлений, казней, праздников, рыцарских турниров и всего того, что толпа одинаково жадно называла зрелищем.

Ровно через неделю после их нелепого пари столица проснулась раньше обычного.

Сначала потянулись телеги ремесленников. Скрип колес, ржание лошадей, сонная ругань грузчиков эхом расходились по утреннему туману. Потом появились торговцы тканями, ювелиры, оружейники, пекари, бродячие артисты и музыканты. Над полями быстро вырос целый живой город из шатров, навесов и костров.

К полудню ярмарка уже шумела так, будто существовала здесь всегда.

Толпа любила турниры. Не столько ради мастерства, сколько ради возможности хоть ненадолго почувствовать, будто жизнь состоит из чего-то большего, чем налоги, война и грязь улиц.

Внутри самого амфитеатра подготовка шла не менее шумно. Слуги натягивали знамена над ложами знати, оруженосцы проверяли ограждения арены, писари торопливо сверяли списки участников. За длинным деревянным столом сидели двое организаторов турнира — пожилой распорядитель с уставшим лицом и молодой помощник, уже третий час разбирающий бумаги.

Данте уже успел пожалеть, что согласился тогда на этот дурацкий спор. Улицы были переполнены людьми, направлявшимися к амфитеатру. Повсюду мелькали цвета дворянских домов, доносились разговоры о ставках и фаворитах турнира, а над городом стоял тот особенный шум праздника, который возникает только тогда, когда толпа заранее жаждет зрелища.

И среди всей этой суеты Данте выглядел так, будто ехал не на крупнейшее событие года, а на собственные похороны. Он сидел в экипаже, подпирая щеку рукой, и с абсолютно скучающим видом смотрел в окно.

— У тебя лицо человека, которого везут на казнь, — заметила Анна.

— Возможно, так и есть.

Она едва сдержала улыбку. Несмотря на весь его трагический вид, он все-таки согласился. До сих пор это казалось ей почти чудом.

Когда экипаж остановился у ярмарки возле амфитеатра, шум ударил сразу со всех сторон. Музыканты играли где-то между рядами шатров, торговцы кричали о лучших товарах, кузнецы стучали молотами прямо у переносных горнов, а запах жареного мяса, сладостей и дыма смешивался в густой праздничный воздух.

Именно в этот момент Анна увидела знакомый с детства синий шатер. Ее глаза мгновенно загорелись.

— Данте, там леденцы!

— Я догадался.

— Мне нужны леденцы.

— Тебе же не десять лет.

— И?

Она уже шла спиной вперед, глядя на него с возмутительно довольным видом.

— Если ты сейчас не поторопишься, все разберут!

И прежде чем Данте успел ответить, Анна действительно исчезла в толпе, направляясь к синему шатру.

— Боги... — пробормотал он и все же пошел следом, едва поспевая.

Анна двигалась между людьми с неожиданной ловкостью, ловко проскальзывая между торговцами, детьми и солдатами. Темно-синяя ткань ее плаща мелькала впереди, а Данте приходилось буквально прокладывать путь через толпу. Когда он наконец подошел к шатру, Анна со счастливым видом держала в руках несколько мешочков сладостей.

— Ты купила половину лавки?

— Возможно.

— У торговца сегодня финансовый расцвет.

Она протянула ему мешочки.

— Держи.

— Почему я?

— Потому что ты выше.

— Великолепно. Меня превратили в вешалку для леденцов.

Но Анна была слишком довольна, чтобы реагировать на колкости. Когда они наконец вошли внутрь амфитеатра, шум трибун уже напоминал рев моря.

Под огромными каменными арками толпились дворяне, офицеры, богатые купцы и простолудины. На арене шли первые тренировочные поединки, а над ложами развевались знамена великих домов.

Данте окинул все это одним взглядом и тяжело вздохнул.

— Несколько тысяч человек собрались посмотреть, как взрослые мужчины тыкают друг в друга прутами.

— Не начинай.

— Уже начал.

Анна только закатила глаза и пошла дальше.

— Интересно, — продолжал Данте, — они хотя бы понимают, как нелепо выглядят эти павлиньи перья на шлемах?

— Данте.

— А этот герб? Боги, кто вообще решил, что золотой гусь — достойный символ рода?

— Это сокол.

— Тогда художника стоило казнить.

Анна уже даже не пыталась спорить.

Еще до начала поединков участников отвели в длинные оружейные павильоны под амфитеатром, где оружейники выдавали турнирное оружие. На длинных стойках рядами лежали шпаги, рапиры и сабли с затупленными концами и ослабленными клинками. Данте взял одну из рапир двумя пальцами. Повертел.

И посмотрел на нее так, будто ему вручили дохлую крысу.

— Это что?

Оружейник обреченно выдохнул.

— Турнирная рапира, господин.

— Нет, я вижу, что это ошибка кузнечного ремесла. Я спрашиваю, почему она весит как лопата?

Несколько участников неподалеку усмехнулись. Оружейник явно слышал подобное уже не первый раз.

— Правила турнира.

— Правила турнира отвратительны.

Данте взмахнул клинком.

— Баланс смещен. Гарда тяжелая. Рукоять неудобная. Этим вообще кто-нибудь пытался фехтовать?

— Господин, все участники используют одинаковое оружие.

— Тогда мне искренне жаль остальных.

Он раздраженно поставил рапиру обратно.

И тут же получил другую.

— О, Четверо... — пробормотал Данте. — Такое чувство, будто я держу в руках мокрую палку.

— Вы слишком придираетесь, — не выдержал один из участников.

Данте посмотрел на него.

— Нет. Я слишком уважаю оружие.

Сама идея «затупить рапиру ради безопасности» вызвала у него почти философическое отвращение.

— Если человек не хочет получить клинок в лицо, — спокойно рассуждал он, пока остальные готовились, — ему не стоит участвовать в поединках.

— Данте, — устало произнес кто-то неподалеку, — это турнир, а не война.

— Тогда зачем вообще делать вид, будто это фехтование?

Когда наконец настало время выхода на арену, терпение окружающих уже было на исходе.

Под громкие трубы участники выстроились вдоль песчаного круга. Толпа ревела так громко, что каменные стены амфитеатра дрожали эхом. Судьи произносили длинные торжественные речи, артисты крутились с флагами и факелами, музыканты били в барабаны.

Данте стоял в неровном строю с таким лицом, будто его насильно заставили участвовать в деревенском спектакле.

Началась жеребьевка. Имена выкрикивали одно за другим. Когда очередь дошла до Данте, судья громко объявил его противника:

— Капитан кавалерии дома Эстерваль!

Из строя вперед вышел коренастый невысокий мужчина с тяжелыми плечами и сломанным когда-то носом.

Данте посмотрел на него несколько секунд. Кажется, он действительно видел его раньше во дворце. Или не его. Может, какого-то другого офицера. Какая разница.

Он уже почти перестал слушать, когда вдруг поднял взгляд на дворянские трибуны. И сразу увидел Анну. Она сидела ближе всех к арене, среди знати и придворных дам, в темно-синем платье, которое слишком хорошо выделялось среди светлых тканей вокруг. Заметив его взгляд, Анна едва заметно улыбнулась и ободряюще помахала рукой.

И именно тогда Данте увидел у нее в руках тонкий шелковый платок. Она обмахивалась им из-за жары. Несмотря на время года, день действительно выдался удивительно душным. И в этот момент в голове Данте родилась совершенно идиотская мысль. Чисто мальчишеская и настолько глупая, что он даже не попытался ее остановить.

Прежде чем кто-либо понял, что происходит, Данте вдруг вышел из строя.

— Эй! — возмутился один из судей. — Участникам запрещено..

Но он уже ничего не слышал. Ловко перескочив через ограждение, Данте вскарабкался по деревянной конструкции трибун прямо к дворянским местам. Несколько дам испуганно ахнули. Стражники хотели схватить его за полы одежды, но Данте легко выкрутился и оказался рядом с Анной.

Анна уставилась на него.

— Данте, ты что..

Он только хитро улыбнулся. И одним быстрым движением выхватил у нее из рук синий платок.

— Он мне нужнее.

— Что?!

Но Данте уже легко прыгнул обратно вниз.

Толпа вокруг начала смеяться и переговариваться. Судьи выглядели так, будто одновременно хотели его убить и оштрафовать. А Данте спокойно привязывал синий платок слева на

поясе, рядом с гардой рапиры. После чего отвесил преувеличенный поклон в сторону дворянских трибун. Амфитеатр взорвался одобрительным гулом и смешками. Кто-то засвистел. Кто-то хлопал.

Анна почувствовала, как лицо начинает стремительно гореть. Этот невозможный человек сейчас стоял посреди арены с ее платком на поясе и выглядел при этом до отвратительного довольным собой.

Первый поединок закончился быстро. Настолько быстро, что зрители не сразу поняли, что вообще произошло.

Коренастый капитан кавалерии вышел на арену уверенно — тяжелый, крепко сбитый мужчина с мощными руками и агрессивной манерой боя. Такие люди привыкли побеждать за счет силы и давления. Дрался он турнирной саблей, она была ощутимо тяжелее боевой, но капитану вес был привычен. Кавалерийская сабля сильно отличалась от пехотной и по весу очень походила на турнирную.

Данте же выглядел так, будто ему смертельно скучно. Он все же вспомнил, что видел своего соперника на последнем совете, куда сопровождал графа. Капитан тогда только вернулся с передовой и выглядел совсем побитым. Доклад его, как поведал отец Анны, тоже был весьма мрачен. Сейчас же офицер привел себя в порядок и выглядел свежим и отдохнувшим. Предвкушая схватку, он вертел восьмерки саблей, криво улыбаясь.

Судья дал сигнал. Капитан сразу пошел вперед, резко и грубо, пытаясь задавить соперника серией мощных выпадов. Данте ушел в сторону. Потом еще раз. И еще. Толпа сначала притихла, пытаясь понять его стиль. А Данте все не атаковал. Кавалерийский капитан начал злиться. Ноздри яростно раздувались. Его раздражало, что ни один удар не может попасть в цель. Это было просто оскорбительно. Несколько раз офицер пытался сблизиться, навязать Данте клинч. Но все попытки разбивались будто об какую-то гибкую скалу. Его соперник отскакивал так же стремительно, как горный козел уходит от рыси, удерживая равновесие на узком уступе.

— Вы всегда так тяжело топаете? — спросил Данте между делом, уходя от очередного удара. — Или это только сегодня?

Несколько человек на трибунах засмеялись. Капитан покраснел и атаковал яростнее. Это было его последней ошибкой. Данте мгновенно оказался у него сбоку. Легкий удар гардой по кисти. Короткий поворот. И тяжелая фигура капитана внезапно потеряла равновесие.

Мужчина рухнул на песок так неожиданно, что сам несколько секунд не понимал, как оказался на земле. Трибуны взорвались смехом и аплодисментами. После этого амфитеатр окончательно проснулся.

Второй противник оказался молодым дворянином из западных земель — быстрым, техничным и слишком самоуверенным. Он красиво двигался, золотистые волосы блестели на солнце. Слишком много самолюбования было в этом.

Данте заметил это сразу.

— О, — протянул он, вставая в стойку. — А вас учили фехтованию или танцам?

Толпа захохотала.

Юноша вспыхнул и бросился вперед. На этот раз Данте решил устроить представление. Он двигался по арене легко, почти играючи, иногда специально пропуская клинок в опасной близости от лица, заставляя трибуны ахать.

Пару раз он даже намеренно позволил сопернику почти загнать себя к краю площадки. Молодой дворянин сразу поверил в свою победу. Самолюбие не позволяло ему думать иначе.

Толпа уже начала шуметь громче. Еще чуть-чуть — и Данте проиграет? Всего-то на втором сопернике?

Анна на трибуне вцепилась пальцами в подлокотники. Она сама не заметила, как начала переживать за Данте. Но внезапно его лицо развернулось так, что его можно было рассмотреть.

Она слишком хорошо знала это выражение лица Данте. Он развлекался. Анна разжала пальцы и выдохнула. Нахлынуло раздражение. Данте опять издевается над ней, ведь она же затащила его сюда. И весь спектакль он устроил в ее честь.

А потом все быстро закончилось. Данте вдруг исчез с линии атаки, коротко ударил по гарде противника снизу, провернул кисть — и шпага юноши взлетела в воздух. Сам дворянин шагнул вперед, пытаясь тщетно удержать равновесие. Данте лишь немного отступил в сторону и плашмя несильно шлепнул соперника по мягкому месту.

Тишина длилась секунду. Потом амфитеатр взорвался смехом и аплодисментами.

К третьему поединку зрители уже ждали именно его выхода. Остальные участники внезапно начали казаться скучными. Потому что Данте превращал каждый бой в спектакль. Он разговаривал с соперниками прямо во время схватки. Комментировал их ошибки. Иногда демонстративно зевал. Специально затягивал бой, давая сопернику почувствовать ритм. Покорить в шанс, в возможность победы. Он даже позволял некоторым несколько удачных выпадов подряд — ровно настолько, чтобы толпа начала волноваться.

К концу отборочных боев половина участников его ненавидела. Когда последний поединок первого этапа завершился, судьи наконец объявили перерыв перед финальными боями.

Трибуны загудели. Люди вскочили с мест, обсуждая увиденное. Музыканты снова заиграли, на арену выбежали артисты в ярких костюмах, жонглеры и акробаты начали новое представление, пока слуги ровняли песок и готовили площадку к финалу.

А Данте, стоя у края арены с рапирой на плече и платком Анны на поясе, выглядел так, будто только сейчас начал хоть немного получать удовольствие от происходящего.

Стоило судьям объявить перерыв, как амфитеатр мгновенно превратился в огромный шумящий улей.

Люди вставали с мест, спорили о поединках, делали новые ставки, обсуждали Данте громче всех остальных участников вместе взятых. На арену уже выбегали артисты с яркими лентами и факелами, музыканты били в барабаны, а торговцы моментально ринулись продавать вино и сладости прямо между рядами.

Анна вскочила со своего места. На ее лице все еще сохранялось раздражение после выходки с платком и его спектакля с мнимым поражением.

— Идиот... — тихо пробормотала она, спускаясь с трибуны.

Она ожидала найти Данте возле арены или рядом с другими участниками. Либо у оружейников, продолжающим жаловаться на отвратительный баланс турнирных рапир.

Но его нигде не было.

Анна нахмурилась. Обошла одну галерею. Потом другую.

Пару раз ей пришлось остановиться, потому что кто-то из знати начинал восторженно обсуждать Данте прямо при ней.

— Этот парень совершенно ненормальный! — Вы видели, как он обезоружил Эстервальца? — А платок! Боги, какой наглец...

Анна ускорила шаг. Прошло уже минут десять, и, помимо раздражения, она начинала злиться.

Конечно. Разумеется. Стоило ей потерять его из виду — и он сразу куда-то исчез.

Данте стоял возле деревянного ограждения рядом с каким-то огромным широкоплечим мужчиной, покрытым старыми шрамами. Незнакомец выглядел мрачно даже среди шумной толпы — тяжелый взгляд, грубое лицо, седина в темных волосах.

Она никогда не видела, чтобы Данте кого-то слушал настолько внимательно. Это почему-то неприятно кольнуло Анну. Подойдя ближе, она услышала только конец разговора.

— ...думал, ты давно сдох где-нибудь на юге, — хрипло усмехнулся незнакомец.

— Я тоже. Твое пузо было похоже на решето, — спокойно ответил Данте. Мужчина коротко рассмеялся.

И именно в этот момент Анна резко подошла и схватила Данте за руку.

— Вот ты где.

Он слегка повернул голову.

— Нашла все-таки.

Несколько людей рядом с интересом покосились на них. Анна не стала устраивать сцен прямо там. Только холодно произнесла:

— Идем.

Данте коротко кивнул своему собеседнику.

— Потом поговорим.

— Если ты опять не исчезнешь на несколько лет.

Они отошли за трибуны, где было заметно тише. Отсюда шум арены доносился приглушенно, смешиваясь с музыкой и голосами толпы.

Анна резко отпустила его руку.

— И кто это был?

— Человек.

— Данте.

Он устало выдохнул.

— Давний знакомый.

— Ты никогда о нем не рассказывал.

— Я много о чем не рассказываю.

— Я заметила.

В голосе Анны прозвучало раздражение сильнее, чем она хотела.

Данте посмотрел на нее внимательнее.

— Ты сейчас злишься из-за платка или из-за того, что я с кем-то разговаривал?

Она мгновенно вспыхнула.

— Не говори глупостей.

— Тогда в чем проблема?

Анна отвела взгляд.

— Ты устроил идиотское представление перед всей столицей, — холодно произнесла она.

Данте коснулся синего платка на поясе.

— Не преувеличивай.

— Половина знати теперь будет обсуждать это неделями.

— Им полезно иногда обсуждать что-то кроме налогов и чужих браков.

Анна недовольно посмотрела на него. Он больше не улыбался так откровенно, как раньше на арене. Сейчас Данте выглядел спокойнее. Даже немного задумчиво после разговора с тем человеком.

Это почему-то раздражало еще сильнее.

— Ты..

Но договорить ей помешал звук внезапных фанфар. Толпа снова зашумела громче. Перерыв закончился. Финальные поединки.

— Мне пора.

— Только попробуй проиграть после всего этого.

— После такого красивого выхода у меня просто нет выбора.

Толпа ревела, выкрикивая имя Данте, музыканты играли победные марши, кто-то уже спорил о том, был ли сегодняшний турнир лучшим за последние годы. Несколько молодых дворян пытались подойти к нему с поздравлениями, судьи — с официальными речами, а какие-то дамы на трибунах откровенно не сводили с него взглядов.

Но Данте будто всего этого не замечал. Пока остальные победители турниров обычно наслаждались вниманием толпы, он выглядел так, словно хотел оказаться где угодно, только не здесь.

Едва закончилась церемония награждения, Данте коротко выслушал старшего судью, забрал наградной футляр с призом за первое место и почти сразу направился к выходу из амфитеатра.

Анна едва поспевала за ним.

— Данте!

Он не ответил.

Только продолжал идти через вечернюю ярмарку, где уже зажигались фонари. Толпа расступалась перед ним сама собой — кто-то узнавал победителя турнира, кто-то просто чувствовал его настроение и предпочитал не стоять на пути.

Анна нахмурилась. За весь путь он почти не сказал ни одной колкости. Ни одного раздражающего замечания.

Когда они подошли к карете, кучер спал неподалеку прямо в высокой траве, натянув шляпу на лицо. Данте остановился и несколько секунд молча смотрел на него.

Потом резко ударил сапогом по колесу кареты.

— Подъем.

Кучер вздрогнул так, будто рядом выстрелили из пушки.

— Г-господин..

— Тебе платят не за сон.

Голос Данте был холодным и жестким. Анна удивленно посмотрела на него. Он никогда так не разговаривал со слугами. Обычно Данте вообще вел себя с ними проще и спокойнее, чем с дворянами.

Кучер быстро начал запрягать лошадей, испуганно извиняясь, а Данте уже забрался внутрь кареты и молча сел у окна.

Всю дорогу домой он почти не двигался. Только смотрел куда-то в темноту за стеклом, задумчиво потирая рукоять рапиры. Анна несколько раз пыталась заговорить с ним, но каждый раз он отвечал коротко и рассеянно.

Когда они наконец приехали домой, Данте вышел первым. Уже в холле он раздраженно скинул плащ на ближайшее кресло, после чего всучил Анне футляр с наградой. Что было внутри Данте так и не заглянул.

— Держи.

— Что?..

— Ты хотела, чтобы я победил. Я победил.

И прежде чем она успела что-либо ответить, он уже направился к кабинету ее отца, перескакивая через несколько ступеней. Анна растерянно смотрела ему вслед. Потом быстро пошла за ним. Но дверь кабинета уже закрылась. Изнутри донесся щелчок замка.

Она раздраженно выдохнула.

— Замечательно.

Следующий час показался ей бесконечным. В доме стояла странная тишина. Даже слуги ходили слишком тихо. За окнами давно стемнело. А из кабинета отца иногда доносились приглушенные голоса.

Но слишком тихие, чтобы разобрать слова. Анна несколько раз проходила мимо двери. Один раз даже хотела стучать и требовать все рассказать. В иной раз она бы так и сделала.

Когда дверь наконец открылась, она сразу поднялась с дивана в гостиной. Отец выглядел бледным и осунувшимся. Данте уже снова надел плащ и застегивал перевязь с рапирой быстрыми точными движениями.

— Куда вы собираетесь? — резко спросила Анна.

Никто не ответил.

— Сейчас ночь, — продолжила она. — Во дворце уже никого нет.

Тишина. Это окончательно вывело ее из себя.

— Может, кто-нибудь наконец объяснит мне, что происходит?!

Данте на секунду остановился у двери.

— Кое-что очень нехорошее, — тихо произнес он.

После чего открыл дверь и шагнул в ночную темноту.

— Никуда не выходи, — незнакомым голосом произнес граф и шагнул во тьму вслед за своим телохранителем.

Когда за Данте и ее отцом закрылась дверь, дом вдруг стал казаться непривычно пустым. Анна еще несколько секунд стояла посреди холла, раздраженно глядя в сторону выхода.

Ненавидела, когда от нее что-то скрывали. Особенно отец. Она резко выдохнула и направилась в библиотеку.

Это была ее любимая комната в доме. Тихая, с высокими шкафами темного дерева и тяжелыми шторами, скрывавшими ночной город за окнами. Здесь всегда пахло бумагой, пылью и воском от свечей.

Анна опустилась в кресло у камина, привычно поджав под себя ноги. Некоторое время она просто сидела молча, глядя на огонь. Потом мысли сами вернулись к турниру. К тому моменту, после которого все изменилось.

До разговора с тем человеком у трибун он был обычным. Развлекался, словно весь турнир существовал исключительно для его скуки. Тянул поединки, дразнил соперников, играл с ними как кот с мышами.

Анна нахмурилась сильнее, вспоминая. После возвращения на арену Данте словно подменили. Он больше не устраивал представлений. Не улыбался. А начал заканчивать поединки сразу. Быстро и холодно. Тогда ей казалось, что он просто устал. Теперь же это выглядело иначе. Она ясно помнила полуфинальный бой. Соперник только встал в стойку, а через несколько секунд его оружие уже крутилось в воздухе, выбитое одним точным движением.

Следующий поединок закончился и вовсе за три движения. Толпа даже не успела понять, что произошло, а противник уже лежал на песке. И Данте в тот момент выглядел не довольным собой, а раздраженным. Словно его торопило что-то невидимое.

Анна медленно провела пальцами по подлокотнику кресла.

«Давний знакомый».

Любой вопрос о прошлом Данте разбивался об эту его отвратительную привычку молчать. Она знала его уже пять лет. И все равно порой казалось, будто рядом с ней человек, которого она совершенно не знает. Откуда он пришел. Кем был раньше. Почему никогда не спит спокойно. Почему в редкие моменты, буквально на долю секунды, его лицо вдруг становится таким пустым, что ей делается не по себе.

Анна схватила лежавшую рядом книгу и тут же бросила обратно. Можно было ведь просто сказать, кто этот мужчина в шрамах. Но нет. «Давний знакомый».

Огонь в камине тихо треснул.

Девушка сама не заметила, как задремала в библиотеке. Огонь в камине почти прогорел, оставив после себя мягкое красноватое свечение, часы давно перевалили за полночь, а за окнами поместье утонуло в ночной тишине.

Ее разбудил звук резко распахнувшейся двери гостиной. Она вздрогнула и мгновенно подняла голову, пытаясь осознать где находится.

Кто-то буквально ворвался в гостиную.

— Да они там совсем идиоты?! — Донесся приглушенный расстоянием голос. Она распознала в нем голос отца.

Анна вскочила и помчалась к выходу из библиотеки.

Обычно спокойный, собранный и почти невозмутимый, сейчас он выглядел человеком, которого довели до предела. Граф сорвал перчатки с такой резкостью, что одна из них упала на пол, вторую он швырнул прямо на столик возле камина.

— Это безумие... просто безумие...

Он тяжело опустился в кресло у огня и провел рукой по лицу.

Анна торопливо спускалась в гостиную.

— Отец?..

Но тот будто не слышал. Он устало смотрел в огонь, уголок его губы иногда подергивался от злости. Следом в комнату вошел Данте. На первый взгляд совершенно спокойный. Он молча снял плащ, аккуратно повесил его на спинку стула у двери и медленно направился к креслам.

Анна уже собиралась снова потребовать объяснений, когда Данте вдруг остановился. А потом резко выхватил нож. Она даже не сразу поняла, что произошло, только короткий свист металла прорезал комнату. Нож с глухим треском вонзился в висевший над камином портрет канцлера. Деревянная основа раскололась почти пополам. Рама не выдержала удара — с громким хрустом сорвалась вниз, и обломки вместе с куском холста разлетелись по полу у камина.

В комнате повисла тишина. Анна медленно перевела взгляд с разбитого портрета на Данте. Тот подошел к креслу и сел напротив ее отца.

— Кажется, теперь нас перестанут приглашать на заседания совета.

Граф неожиданно коротко рассмеялся.

— Если бы все ограничилось только этим...

— Может кто-нибудь наконец объяснит мне, что происходит?!

Отец посмотрел на нее тяжелым взглядом. Потом перевел глаза на разбитый портрет канцлера.

— Похоже, некоторые люди при дворе решили, что страну проще утопить в крови, чем признать собственные ошибки.

Данте лениво откинулся на спинку кресла.

— А некоторые идиоты решили, что лучший способ решить проблему народных волнений — закрыть всех недовольных в застенках, а то и вовсе вздернуть прилюдно.

— Что?.. — Анна почувствовала, как внутри все неприятно сжалось.

Граф устало кивнул.

— Сегодня ночью совет почти единогласно поддержал чрезвычайные меры.

Анне не спалось. Она уже, наверное, в сотый раз перевернулась на другой бок, раздраженно смяла подушку и уставилась в темный потолок. За окном стояла глубокая ночь. Луна серебрила края тяжелых штор, а где-то далеко, за садом, едва слышно шумел ветер в кронах деревьев. Какая-то ночная пичуга глухо щелкала.

Сон не приходил.

Мысли путались, цеплялись одна за другую, возвращались к одним и тем же событиям. Турнир. Разговоры во дворце. Внезапный совет. Хмурые Данте с отцом после совета. Анна сердито зажмурилась.

— Невыносимый человек... — буркнула она в темноту.

Но именно в этот момент где-то на границе сознания родилась совершенно нелепая мысль. Анна сразу попыталась от нее избавиться.

Почему он всегда выбирает именно рапиру?

Не шпагу. Не более современное оружие, которое предпочитали офицеры и дворяне столицы. Именно рапиру — длинную, узкую, почти старомодную. Анна знала, что рапира предназначена для дуэлей. Но даже на дуэлях ее уже никто не использовал.

Она вспомнила его тренировки на рассвете. Гибкое движение корпуса. Стремительные уклоны. Быстрые, как вспышка, выпады.

Анна нахмурилась сильнее. Когда-то ей казалось это странным. Теперь — почему-то нет.

Она вдруг вспомнила один из приемов во дворце несколько месяцев назад. Тогда в одной из боковых галерей собралась компания молодых офицеров. Красивые мундиры, звон шпор, громкий смех и неизменное желание казаться умнее всех вокруг. Разговор зашел о Данте.

— Рапира? — с насмешкой произнес один из них. — Кто вообще сейчас сражается этой древностью?

— Видимо только театральные фехтовальщики, — поддержал другой.

— Или люди, которым нравится изображать загадочность.

Они засмеялись. Анна тогда проходила мимо и сперва даже не собиралась вмешиваться. Данте бы и сам не стал. Он вообще редко обращал внимание на подобное. Но потом тот самый молодой офицер — тот, который вызвал Данте на дуэль во внутреннем дворе — особенно презрительно усмехнулся:

— Честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему при дворе терпят этого мужлана с игрушкой на поясе.

И почему-то именно это задело Анну. Она остановилась раньше, чем успела подумать.

— Забавно слышать это от человека, — сказала она презрительно, — которого Данте едва не убил этой самой «устаревшей игрушкой».

Смех мгновенно стих. Офицер побледнел так быстро, что это было почти смешно. Анна помнила, как несколько секунд он просто смотрел на нее, не находя слов. Видимо, воспоминание о холодном кончике рапиры у собственной шеи оказалось куда убедительнее любых рассуждений о современном оружии. Собеседники офицера при виде этой картины расхохотались.

Тогда она ушла, не дожидаясь ответа. А позже, уже вечером, вдруг поймала себя на мысли, что почему-то до сих пор из-за этого злится. Теперь, лежа в темноте своей комнаты, Анна вздохнула и натянула одеяло выше. Безумие какое-то.

Анна резко перевернулась на другой бок.

— Это все из-за того идиотского турнира, — сердито сообщила она подушке.

Где-то далеко, внизу, часы пробили очередной час ночи. А сон так и не пришел.

Анна еще несколько минут лежала, глядя в потолок, прежде чем окончательно осознала, что теперь уже точно не уснет. Безумная мысль, пришедшая ей в голову, становилась все навязчивее.

Рапира.

Ей вдруг до невозможности захотелось рассмотреть ее поближе. Не мельком на тренировке, не на его поясе, а спокойно и внимательно. Понять, почему он так упрямо предпочитает именно ее.

Разумеется, спросить напрямую было невозможно.

Стоило ей только представить, как Данте с ленивой ухмылкой произносит что-нибудь вроде: «Что такое, госпожа, решили наконец разобраться в оружии?»...

Нет уж. Она сама посмотрит.

Тихо выбравшись из постели, Анна накинула халат на ночную рубашку и осторожно приоткрыла дверь комнаты. Коридор был темен и пуст. Лишь редкие полосы света с улицы ложились на пол из высоких окон.

Она босиком бесшумно прошла по коридору и остановилась у двери Данте. Заколебалась на мгновение. Потом медленно толкнула дверь. Дверь была не заперта и открылась совершенно беззвучно.

— Конечно, — едва слышно пробормотала Анна. — Кто бы сомневался.

Комната встретила ее прохладой и почти полной темнотой. Только лунный свет серебрил край стола и часть стены.

Все выглядело до смешного просто. Никаких лишних вещей, узкая кровать, стол и стул. Пара книг. Перевязь с рапирой лежала рядом с правой рукой Данте на деревянной поверхности кровати.

Сам он лежал неподвижно.

Анна осторожно приблизилась и внезапно вздрогнула так резко, что едва не вскрикнула. Глаза Данте были открыты. В темноте они поблескивали холодными отблесками луны. Анна застыла. Сердце пропустило удар. Вот теперь все. Сейчас он скажет что-нибудь язвительное, и ей придется умереть от позора прямо здесь.

Но секунды шли. Ничего не происходило. Данте не двигался. Не говорил. И главное — не смотрел на нее. Его взгляд был абсолютно неподвижным и пустым, устремленным куда-то в потолок.

— Ты издеваешься?.. — шепотом спросила она.

Никакой реакции. Тогда осторожность начала уступать раздражению. Она даже, не удержавшись, показала ему пару совершенно неприличных жестов. Данте продолжал лежать неподвижно.

Анна прищурилась.

— Спит с открытыми глазами... Какое же ты жуткое создание.

Очень осторожно она взяла перевязь с рапирой. Даже теперь ожидала, что он внезапно схватит ее за запястье или отпустит очередную колкость. Но ничего не произошло.

Анна тихо выскользнула из комнаты и аккуратно притворила дверь. Только после этого позволила себе облегченно выдохнуть. Стараясь не шуметь, она медленно направилась вниз, к выходу во внутренний дворик. Там хотя бы был свет луны и можно было спокойно рассмотреть оружие. Она постоянно косилась назад, на темный коридор второго этажа.

Анна наконец спустилась вниз и осторожно открыла дверь во двор. Ночной воздух оказался прохладным и свежим.

— Фух... — еле слышно выдохнула она, выходя наружу.

И тут же во что-то врезалась спиной. Точнее — в кого-то. Анна резко вскинула голову.

Перед ней стоял босой Данте. В простой темной ночной рубаше с распушенным воротом и свободных штанах. Волосы были слегка растрепаны после сна, а лицо — совершенно спокойным. Только взгляд оставался привычно насмешливым.

Несколько секунд Анна просто смотрела на него, не в силах осознать происходящее. Потом медленно опустила взгляд на перевязь с рапирой в своих руках. Он тоже посмотрел на рапиру.

— Значит, воровство. А я еще пытался убедить графа, что его дочь воспитанная девушка.

Анна вспыхнула.

— Я не ворую!

— Конечно нет. — Он слегка наклонил голову. — Просто выносишь тайком из чужой комнаты.

— Я хотела посмотреть!

— На меня или на рапиру?

Она открыла рот, чтобы ответить, и тут же зло его закрыла. Кончики ушей начинали ощутимо гореть.

— Ты не спал? — подозрительно спросила она.

— Спал.

— С открытыми глазами?!

— Иногда.

— Это ненормально.

— После моего детства список ненормального стал слишком длинным.

Он протянул руку.

— Давай сюда.

Анна машинально прижала перевязь к себе.

— Нет.

Бровь Данте чуть приподнялась.

— Нет?

— Я хочу посмотреть ее.

— Это оружие, Анна. На него не «смотрят». Им либо пользуются, либо нет.

— И все же.

Он вздохнул так, будто мир окончательно решил испытать его терпение. Потом неожиданно кивнул.

— Хорошо.

Данте медленно расстегнул перевязь и вытянул рапиру из ножен. Лунный свет скользнул по узкому клинку. Рапира Данте оказалась совсем не такой, как те шпаги и рапиры, которые она видела у дворян или офицеров. Тонкая и узкая. Без единого украшения. Только темный металл и идеально выверенные линии.

Анна невольно протянула руку.

— Можно?..

Он несколько секунд смотрел на нее, потом развернул оружие рукоятью вперед. Она осторожно взяла рапиру. И едва не ударила себя ей по лбу

— Какая легкая...

— Потому что это не тяжелые шпаги дутовых павлинов для парадных залов.

Данте подошел ближе и легко поправил ее хват. Его пальцы коснулись ее кисти.

— Не сжимай так сильно, — тихо сказал он. — Рапиру держат пальцами, а не душат.

— И этим ты... дерешься? — тихо спросила она.

— Обычно.

— Но почему именно рапира?

Данте ненадолго замолчал.

— Шпага прощает ошибки, — сказал он, проводя пальцем вдоль гарды. — Рапира — нет.

Он поднял взгляд на Анну.

— С ней либо идеально... либо мертв.

Повисла тишина. Где-то далеко шумел ночной ветер в кронах деревьев.

— Ты вообще когда-нибудь отдыхаешь? — неожиданно спросила она.

— Иногда.

— И что ты делаешь в эти редкие моменты?

— Сплю с открытыми глазами.

Анна закатила глаза. Опять он за свое.

— Покажешь... пару приемов?

Слова прозвучали слишком быстро. Она едва не прикусила язык сразу после этого.

Анна уже ожидала привычной усмешки. Какого-нибудь: «Следующий шаг — вызов канцлера на поединок?» Но Данте лишь посмотрел на нее сверху вниз. Потом пожал плечом.

— Покажу.

— Что... вот так просто?

— Ты сейчас расстроишься, если я начну язвить?

— Не дождешься.

— Тогда вот так просто.

Он протянул руку.

— Дай рапиру.

Анна осторожно передала ему перевязь. Он сделал шаг назад на каменные плиты внутреннего дворика.

— Смотри внимательно. Я не буду повторять по десять раз.

— Ты всегда такой ужасный учитель?

— Я вообще не учитель.

Он встал в стойку. Рапира двигалась плавно, будто продолжение его руки. Ни одного лишнего движения. Ни одной красивой позы ради красоты. Даже стойка выглядела слишком простой.

— Люди думают, что фехтование — это про руки, — негромко сказал Данте. — Это про ноги.

Он едва заметно сместился. И исчез из одной точки пространства в другую настолько быстро, что Анна вздрогнула. Укол остановился в нескольких сантиметрах от каменной колонны.

— Если ноги стоят неправильно — ты труп. Каким бы красивым ни был твой выпад.

Он опустил клинок.

— Возьми.

Анна неуверенно приняла рапиру.

— Неудобно...

— Потому что ты держишь ее как кочергу.

— Очень смешно.

— Я и не шутил.

Данте вновь приблизился.

— Расслабь кисть.

Он поправил хват.

— Если будешь сжимать так сильно — через минуту рука отвалится.

— У меня все нормально.

— Нет.

Внезапный учитель чуть повернул ее запястье.

— Вот так. Теперь стойка.

— Я и так стою.

— Ужасно стоишь.

Анна выдохнула сквозь зубы. Данте носком босой ноги слегка толкнул ее ступню в сторону.

— Не ставь ноги в одну линию. Иначе тебя опрокинет даже ребенок. А теперь давай, ударь меня.

— Что? Она же острая! — Анна остолбенела.

— Думаешь я буду стоять как пугало? — неожиданно подмигнул ей молодой человек.

Данте вдруг сделал короткий выпад рукой. Она даже не заметила движения. Только почувствовала, как он двумя пальцами легко коснулся ее шеи.

— Мертва, — спокойно сказал он.

Внезапная ученица возмущенно уставилась на него.

— Это было нечестно!

— А кто тебе сказал, что будет честно?

Он отступил назад.

— Еще раз. Давай.

Следующие несколько минут превратились в мучение. А Данте с абсолютно невозмутимым видом каждый раз поправлял ее ошибки.

— Нет.

— Опять нет.

— Ты сейчас сама себя проткнешь.

— Не маши ей, это не метла.

— Почему у тебя обе ноги живут отдельной жизнью?

— Я тебя ненавижу.

— Все мои ученики так говорят.

— У тебя были ученики?!

— Нет.

Несмотря на раздражение, Анна вдруг поняла, что смеется. Было очень увлекательно пытаться сделать из Данте решето.

И Данте, кажется, тоже это заметил. На мгновение уголок его губ дрогнул в почти незаметной улыбке. Потом он внезапно забрал у нее папиру.

— Хватит на сегодня.

— Что? Почему?

— Потому что ты сейчас рухнешь.

— Неправда.

И именно в этот момент у Анны подкосилась нога после очередной попытки правильно сделать выпад. Она тихо ойкнула, теряя равновесие. Данте поймал ее прежде, чем она успела упасть. Где-то в саду тихо шумели деревья. Дом спал. Над внутренним двориком висела бледная луна. Анна вдруг поняла, что все еще держится за его плечо. А сам Данте ее еще не отпустил.

— Я... уже нормально стою, — поспешно отстранилась девушка.

— Вижу.

— Все-таки, ты ужасный учитель.

— Звучит как комплимент, — ответил не оборачиваясь Данте, направляясь к дверям дома.

— Данте..., — робко проговорила Анна.

Он обернулся.

— Хотя нет, ничего.

На что Данте неожиданно ей улыбнулся и зашел внутрь.

Глава 3

Граф проснулся еще до рассвета.

С возрастом сон стал коротким и тревожным. Последние месяцы — особенно. Иногда ему казалось, что он вообще перестал отдыхать по-настоящему. Просто лежал с закрытыми глазами, пока мысли продолжали перебирать донесения, имена, цифры и последствия решений, которые уже невозможно было отменить.

За окном начинало светлеть. Дом еще спал. Только со двора доносился знакомый звук рассекаемой воздуха стали. Данте снова тренировался.

Граф несколько секунд лежал неподвижно, слушая размеренные шаги и тихий свист папиры. Эти звуки почему-то действовали успокаивающе. Было в них что-то неизменное, устойчивое. Мир вокруг медленно трещал по швам, а Данте каждое утро вставал раньше солнца и двигался так, будто все еще существует порядок, который можно удержать точностью движений и холодной дисциплиной.

К завтраку граф спустился уже одетым и с пачкой бумаг под рукой. Данте сидел за столом как обычно раньше всех, спокойно пил кофе и лениво листал какую-то книгу. Волосы после утренней тренировки были еще слегка влажными.

Граф только собирался развернуть очередное донесение, как услышал быстрые шаги на лестнице.

Анна появилась неожиданно рано. И что удивило графа сильнее всего — в хорошем настроении. Она почти впорхнула в столовую, явно стараясь выглядеть невозмутимо, но слишком уж заметно прятала улыбку.

— Удивительно, — протянул Данте, не поднимая взгляда от книги. — Сегодня солнце встало на западе?

Анна тут же нахмурилась, хотя щеки у нее едва заметно порозовели.

— Не понимаю, о чем ты.

— Обычно по утрам ты выглядишь так, будто ненавидишь весь мир.

— А сегодня?

Данте наконец поднял взгляд и чуть прищурился.

— Сегодня только меня.

— Какое самомнение.

Она села за стол слишком быстро и едва не уронила ложку.

Граф молча наблюдал за ними поверх бумаг.

Анна старательно избегала смотреть на Данте дольше пары секунд. А тот не отпускал привычных колкостей каждую минуту. Только иногда поглядывал на нее, будто знал что-то, известное только им двоим.

Граф медленно отпил кофе, менее крепкий чем у Данте и со сливками, что его телохранитель находил издевательством над напитком.

— Ты сегодня необычно рано, — невозмутимо заметил граф.

Анна слишком поспешно взяла чашку.

— Просто... проснулась раньше.

— Мир действительно меняется, — пробормотал Данте.

Анна бросила на него быстрый сердитый взгляд.

Определенно что-то произошло, подумал граф. И судя по довольному виду Данте, этот невозможный человек имел к этому самое прямое отношение.

За окном окончательно вставало солнце. Во дворе Бернард уже подстригал идеально ровные кусты, кухарка ругалась на помощницу за подгоревший хлеб, а столица постепенно высыпалась навстречу еще одному тяжелому дню.

После завтрака карета повезла его во дворец. Чем ближе они подъезжали к центральным кварталам, тем тяжелее становился город. Напряжение, будто упругая пружина в часах, сворачивалось, ожидая своего часа.

Слишком много было на улицах вооруженной стражи. Слишком много злых лиц. На главной площади возводили виселицы.

Как же быстро они привели свой план в действие, отметил граф, будто всего-то нужен был официальный повод для этого. Советник прерывисто вздохнул, осознавая, что он сам дал им повод официально учинять безумства. Граф долго смотрел в окно на деревянные балки. Потом отвернулся.

Во дворце его ждали бесконечные заседания и бумаги, горы бумаги. Канцлер слушал всех с усталым раздражением человека, который слишком долго убеждал себя, что контролирует ситуацию. Граф спорил. Снова и снова. Он говорил, что давление только усилит ненависть. Что людям нужно дать надежду. Что война уничтожает страну быстрее любого мятежа. Но каждый раз видел одни и те же взгляды. Одни считали его слабым. Другие — наивным. Третьи просто уже боялись признать, насколько все плохо.

Ближе к вечеру он окончательно устал. Во время короткого перерыва граф вышел в боковую галерею дворца и остановился у окна. Во внутреннем дворе шуточно тренировались молодые офицеры. Смеялись, спорили. Сражались тупыми клинками. Совсем мальчишки. Некоторые из них через год будут лежать где-нибудь в грязи с распоротыми животами. Если вообще доживут до этого года.

Советник сам удивлялся порой тому, что еще жив. За прошлые пару лет на него совершилось столько покушений, что на руках и ногах не хватило бы пальцев пересчитать. Но спустя время, угрожать его жизни перестали. Может думали, что граф потеряет бдительность, или, наоборот, помешается на собственной безопасности и перестанет принимать взвешенные решения. Но граф даже и не думал трястись за собственную жизнь. После смерти его жены, жизнь приобрела преимущественно серые тона. Лишь дочь была ему светлым лучом в беспроглядной серости. Поэтому, когда появился Данте, он понял, что лишь ему он мог бы доверить жизнь своей дочери.

Граф медленно прикрыл глаза и потер их костяшками пальцев до цветных кругов. Он слишком давно занимался политикой, чтобы верить в благородство власти. Но слишком много потратил времени и сил на эту страну, чтобы смотреть на ее разрушение спокойно.

— Вы выглядите уставшим.

Граф обернулся. Рядом стоял канцлер.

— Потому что я устал.

Канцлер невесело усмехнулся. Несколько секунд они молчали.

Потом граф тихо произнес:

— Мы теряем страну.

Канцлер долго смотрел куда-то мимо него.

— Нет, — наконец ответил он. — Мы просто переживаем трудное время.

Когда вечером карета везла его домой, город уже тонул в сумерках.

Граф смотрел на огни домов и неожиданно подумал о том, как сильно хочет просто вернуться домой. Услышать голос Анны. Увидеть Данте, спорящего с ней о какой-нибудь бессмысленной ерунде.

Поужинать не торопясь не вышло. Советник снова сидел в своем кабинете на втором этаже и постепенно выходил из себя.

Граф медленно потер переносицу.

На столе перед ним лежали раскрытые свитки, письма, донесения и отчеты, которые за последние недели будто начали плодиться сами собой. Чем сильнее накалялась обстановка в столице, тем больше бумаги приносили ему слуги каждое утро, а теперь еще и вечером.

Он тяжело вздохнул и откинулся в кресле. За окном давно стемнело. Камин тихо потрескивал, разгоняя вечернюю прохладу, а из дальнего крыла дома доносился клавикорд. Вернее попытки игры на клавикорде.

Граф невольно улыбнулся. Анна все-таки сумела затащить Данте за инструмент. Несколько дней назад они поспорили, что за неделю Данте не сможет сыграть ничего хоть сколько-нибудь вразумительного.

Они и раньше заключали пари, и обычно они были самые дурацкие, которые можно только представить. Но последнюю неделю заключали их уж слишком часто. Чего только стоило участие Данте в соревнованиях.

Сейчас из того самого крыла дома доносилась очередная попытка Данте попасть хотя бы в половину нужных нот. Получалось ужасно. Граф даже различал сквозь музыку раздраженный голос Анны:

— Нет! Нет, Данте, опять мимо!

— Я нажал ту клавишу.

— Не ту!

— Они все одинаковые.

— Они не одинаковые!

Потом раздался особенно чудовищный набор звуков.

Граф тихо рассмеялся себе под нос.

За последние годы дом слишком привык к разговорам о политике, войне и страхе. И потому эти глупые споры о музыке казались почти роскошью.

За стеной снова послышался голос Анны:

— Ты держишь руки так, будто душишь кого-то!

— Это ты так меня научила держать руки.

— Вот и нет, ужасный учитель из нас двоих как раз ты! Нельзя же играть, будто сейчас насадишь на рапиру уличного бандита.

Граф вдруг вспомнил как познакомился с Данте.

Дождь в тот день начался еще с утра. Не сильный — мелкий, холодный, назойливый. Такой, который превращает улицы в грязное месиво и заставляет прохожих ускорять шаг, пряча лица под капюшонами.

Граф возвращался из старых кварталов почти без сопровождения. Глупость, конечно. Он это понимал. Но встреча была неофициальной, лишние люди только привлекли бы внимание, а до собственного экипажа оставалось пройти всего несколько улиц.

Плащ промок. Трость глухо постукивала по мокрым камням мостовой. Узкие переулки почти опустели к вечеру, лишь редкие огни тускло светились за мутными окнами трактиров.

Внезапно на его пути выросло два тела. По ленивому чавканью сзади стало понятно, что всего их трое.

Обычные городские подонки. Таких столица порождала сотнями. Один — щербатый, высокий и костлявый, с кривой ухмылкой и ножом в руке.

Второй — коренастый, в засаленной куртке кожевника. Третьего граф разглядеть не мог.

— Господин, — протянул высокий, — нехорошо одному гулять по таким местам.

Граф медленно остановился.

— Если вам нужны деньги, — ровно произнес он, — я дам вам кошель и мы разойдемся.

Коренастый сплюнул.

— Нам много чего нужно.

Они начали медленно приближаться.

Высокий уже ухмылялся, явно наслаждаясь происходящим.

— Видал? — бросил он приятелям. — Аристократы всегда одинаковые. Думают, что можно все решить монетами.

— Иногда можно, — раздался спокойный голос из темноты переулка.

Все обернулись. У стены, под навесом закрытой лавки, стоял молодой человек. Совсем еще молодой. Лет двадцать, не больше.

Темные волосы были влажными от дождя. Рукава светлой рубахи небрежно закатаны до локтей, поверх — темный жилет и длинный плащ, брошенный так, будто его владелец вообще не замечал плохой погоды. На поясе висела рапира. Перчаток на нем не было.

Незнакомец лениво посмотрел на троицу.

— Но, судя по вашим лицам, вы сюда пришли не за деньгами.

— Иди своей дорогой, мальчик, — огрызнулся коренастый.

Тот чуть склонил голову набок.

— А что, если я не хочу?

Высокий раздраженно крутанул нож в пальцах.

— Ты вообще понимаешь, с кем говоришь?

— Пока нет, — спокойно ответил незнакомец. — Но если вы продолжите, возможно, узнаю по зубам.

Граф нахмурился. В голосе парня не было ни страха, ни попытки выглядеть храбро.

Коренастый выругался и шагнул вперед первым.

Все произошло настолько быстро, что граф сперва даже не понял.

Рапира сверкнула короткой серебряной вспышкой. Коренастый вдруг захрипел и рухнул на колени, зажимая горло.

Высокий вытаращил глаза.

— Ах ты...

Он бросился вперед с ножом.

Молодой человек даже не отступил. Наоборот — шагнул навстречу.

Графу показалось, что парень вообще не сражается. Он двигался легко и спокойно. Словно давно знал, где именно окажется противник через секунду.

Нож просвистел мимо. Рапира коротко ткнулась снизу вверх. Высокий замер. Потом медленно осел на мокрую мостовую. Третий бандит побледнел и попятился.

— П-сих...

Он развернулся, собираясь бежать. Но рапира настигла его спины раньше. Вошла не глубоко, но пугающе. Беглец рухнул лицом в грязь. Несколько секунд стояла только барабанящая по камням морось. Бандит был еще жив. Он лежал на боку, судорожно кашляя кровью и содержимым желудка. Молодой человек спокойно подошел к нему.

— Если выживешь, постарайся больше не нападать на безоружных людей. У тебя плохо получается.

Потом будничным движением достал из кармана платок и медленно стер кровь с тонкого лезвия рапиры.

— Вы целы?

Граф несколько секунд молчал.

Потом медленно произнес:

— Да. Полагаю, благодаря вам.

Парень пожал плечом.

— Им просто не повезло.

— Как вас зовут?

Молодой человек слегка прищурился, будто вопрос показался ему странным.

— Данте.

— И кто вы такой, Данте?

На мгновение уголок его губ дрогнул в почти незаметной усмешке.

— Хожу где хочу, — ответил он. — И иду куда хочу.

После чего развернулся, собираясь уйти прочь по мокрому переулку.

Звон часов из гостиной вырвал графа из воспоминаний. Отбило восемь раз. Звуки все так же упрямо доносились из комнаты неподалеку — Данте продолжал воевать с инструментом, изредка у него даже получалось не промахнуться сразу.

Граф встал и с трудом разогнул спину. Годы сидячей работы и возраст давали о себе знать.

Он подошел к окну и окинул взглядом вечерний сад. Было тихо, ни единой души. Бернард постарался на славу. Не зря он платит ему такие деньги. У старика не осталось никакой родни, детей у него не было, жена умерла от последней вспышки серой чумки два десятка лет назад. И он нашел свое утешение, ухаживая за садом, трепетно лелея каждый посаженный цветок. Каждый куст был идеально стрижен, на дорожках не найти ни одной упавшей веточки или листочка. А с наступлением сумерек, в свете фонарей, сад казался даже окутанным некой тайной. Что являлось сугубо плодом человеческой фантазии, но естественно вытекало из множества гениальных решений садовника графа. Советник всегда хотел иметь в своей усадьбе богатый разными диковинками сад. Он любил раньше гулять по вечерам в полумраке по дорожкам между деревьев. Особенно весной, когда все вокруг наполнялось запахами цветения.

Граф грустно вздохнул. В последнее время ему не хватало этих прогулок. «Даже с дочерью не могу сходить в театр на какую-нибудь постановку, что уж о саде думать» — подумалось ему.

Но поток мыслей графа внезапно осекся.

«Куда делась вся стража? До наступления сумерек в саду было полно народу» — тревожный вопрос повис в сознании советника. Днем он решил все же не ставить никого в известность и приставить больше охраны из верных ему людей к поместью. Обычно интуиция его не подводила в такие моменты и зачастую выручала. Граф не сомневался в способностях Данте, но и у него был предел, и лишняя охрана бы никак не помешала.

— Нет, нет, нет, да что ты делаешь вообще?! — До графа донесся сердитый голос Анны и через мгновение глухой удар по чему-то деревянному. — Это не драка на ножах!

Советник немного встряхнул головой, пытаясь немного отогнать копошащиеся тревожные мысли. Он неоднократно предлагал своему телохранителю работу главы внутренней безопасности. Отцу так было бы намного спокойнее. Но Данте был непреклонен, считая политику пустой тратой времени, предпочитая не лезть в эту трясину вовсе.

Впрочем Тайная служба всеми силами пыталась бы этого не допустить. Люциан Морвейн был хитер и жесток. Такие как он улыбаются во весь рот, когда ведут жестокий допрос. И, что самое неприятное, канцлер был чрезвычайно лоялен к нему. Вряд ли правитель знал даже о четверти деяний Морвейна.

Граф запрокинул седую голову и несколько секунд смотрел в потолок.

«Завтра же достану лучшие места», — он внезапно принял решение. Анна за ужином восторженно рассказывала о премьере новой оперетты, безудержно тряся небольшой книжкой либретто к представлению. Он лично знал композитора оперетты и, собственно, автора либретто, о чем Анна даже не могла догадываться.

Советник улыбнулся одной из немногих светлых мыслей за сегодняшний вечер и собирался вновь приступить к поздней рутине, как вдруг раздался резкий удар со стороны главных ворот.

«Кого еще принесло? Я сегодня никого не приглашал», — нахмурился граф.

Клавикорд затих. Раздался еще один удар, более настойчивый.

Искорка тревоги начала стремительно разгораться.

Советник достал из массивного ящика стола небольшой продолговатый футляр. Красный бархат слабо блеснул в тусклом свете комнаты.

Подарок от знаменитого оружейного мастера, Рудольфа Фосса. Граф уже давно не использовал оружие по его прямому назначению, но не мог устоять перед его обаянием. В футляре лежал изящный пистолет с кремниевым замком, что было редкостью. Штучный экземпляр специально для старого друга.

Не успел граф зарядить пистолет, как входная дверь слетела с петель. Раздался топот и злобные крики. Советник схватил ближайшую шпагу со стены и, с пистолетом наперевес, выскочил из кабинета.

Данте уже отчаянно сражался с значительно превосходящими в численности бунтарями. Рапира серебристой змеей мелькала, раз за разом окрашиваясь в рубиновый цвет. На полу первого этажа уже лежало несколько стонущих в агонии тел. Кто-то уже затих. Граф внезапно узнал Бернарда в одном из затихших. По одежде. Лицо превратилось в кровавое месиво.

Оправившись от первоначального ступора, бунтующие начали окружать Данте, вынуждая того отступать по ступеням лестницы вверх. Один момент на Данте навалилось сразу трое. Он никак не смог бы парировать и увернуться от стольких ударов. Резко выдохнув, Данте шагнул напрямик под удар узким кинжалом. Резкая, обжигающая боль пронзила тело. Но это позволило вонзить острие рапиры в лицо толстяка. Перед смертью его глаза округлились, а мерзкая ухмылка слетела с лица. Ржавый топор выпал у того из рук. Данте пинком откинул его с лестницы, выиграв немного драгоценного времени.

Анна не могла заставить себя сдвинуться с места. Мир внезапно перевернулся с ног на голову. Мгновения назад она злилась на Данте за неспособность отличить одну ноту от другой. Все казалось дурным сном.

Раздался выстрел. В стенах дома он был оглушительно громким. Из спины одного из напавших вылетел фонтанчик крови, он захрипел и начал заваливаться набок. Граф поспешил на помощь своему телохранителю. Шпага блеснула в его руках, полоснув по ближайшему оборванцу. Память тела не подвела советника.

Но нападавших становилось только больше. Они теснили графа и Данте все выше и выше. Потянуло дымом, тяжелые темные шторы охватил огонь. Данте с хладнокровием механизма убивал человека за человеком. Легкая рапира острым смертельным жалом настигала своих врагов. Кого-то он ударил эфесом в зубы. Другому ударил в колено сапогом до хруста, тот завыл и упал на своих товарищей внизу. Уворачиваясь от очередного удара Данте присел, и всадил острие рапиры прямо в сапог, пробив ногу насквозь. Топорам, да дубинам было не потягаться с отрой как игла рапирой.

На мгновение Данте перевел взгляд на графа. Дела у него шли много хуже. На рубашке расплывалось несколько красных пятен, на шее был неглубокий, но мешающий порез. Однако шпага лежала в руке твердо и колола все так же стремительно.

— Да этих крыс всего лишь две! А ну навали-ись!

Еще шаг назад. Все. Отступать больше некуда. Толпа наступала все сильнее. Отец Анны и Данте стояли на полу второго этажа. Резко щелкнула тетива. Данте резко оттолкнул графа и отпрыгнул сам. Болт вырвал кусок кожи из руки телохранителя и вонзился в стену позади.

В опустевшее место сразу же кинулась толпа. Их разделили.

— Отец! — Анна кричала, срывая голос.

Огонь уже охватил балки потолка, становилось невозможно дышать.

Легкие Данте горели огнем. Он сражался уже на чистом упрямстве. Лицо исказила ужасная гримаса. Казалось, что это уже не человек, а загнанный в угол лесной зверь. На лбу кровоточил глубокий порез, застилая кровью глаза.

Анна не могла дышать. Глаза слезились от едкого дыма или от ужаса, она сама уже не понимала.

— Кончайте их, этот уже все! — завопил кто то, на противоположной стороне.

Вдруг сердце Анны окончательно упало. По окровавленным ступеням тащили обмякшее тело ее отца.

— Нет..! — Хватая ртом воздух, пыталась докричаться до отца она. — Отец!

Девушка хотела рвануться вперед, но Данте ее оттолкнул назад, отчего она чуть не упала.

— Анна! — Прорычал он — Нельзя..!

Моментом замешательства воспользовался один из напавших. Круглолицый, похожий на раздувшийся овощ, человек вонзил в Данте длинный охотничий нож.

Он чуть не рухнул на одно колено, но удержался. Отбил очередной удар и, продолжая отступать назад, схватил с небольшого столика тяжелый подсвечник, запустив его прямо в круглолицего. Тот потерял равновесие и Данте из последних сил толкнул его в своих же товарищей. Потом им в ноги полетел тот самый столик. Выкроив этим пару секунд, Данте сгреб в охапку вопящую девушку, пачкая ткань ее платья своей и чужой кровью, и ввалился в первую попавшуюся комнату.

Захлопнув засов, он огляделся. Это оказалась комнаты Анны. Дверь уже спешно выбивали, петли жалобно скрипели, засов грозил оторваться вместе с куском дерева.

— Помоги, — выдавил Данте, указывая на тяжелый книжный шкаф.

— Там мой отец!.. — Голос прерывался. — Нужно..

— Сейчас ему никак не помочь, — прохрипел Данте, посмотрев ей в глаза. — Тем более, если нас тут зарежут как свиней.

Внезапно он пошатнулся. Анна только сейчас поняла как тяжело он дышит. Его вид подействовал на нее отрезвляюще.

— Давай. — Данте ухватился за полку.

Шкаф с грохотом рухнул на пол. В эту же секунду засов окончательно сдался и отлетел в сторону. В дверном проеме образовалась небольшая щель, только поваленный шкаф мешал раскрыться дверям полностью. Данте не глядя несколько раз ткнул рапирой в проем. Раненный стон не заставил себя долго ждать.

Данте распахнул створки дверей ведущих на балкон.

— Надо прыгать.

— Ты с ума сошел?! — широко распахнула Анна глаза.

— Ты веришь мне?

Девушка коротко кивнула несколько раз.

— Я тебя поймаю. — И внезапно в глазах мелькнула привычная искорка иронии. — Просто расслабься.

И прыгнул вниз, тяжело перекатившись после приземления.

Анна перелезла через бортик. Несколько секунд пыталась перебороть страх высоты.

Дверь слетела с петель, послышались злобные крики. Между смертью и, возможно, сломанными ногами Анна выбрала последнее.

Данте поймал ее, тяжело выдохнув. Руку, задетую болтом, прострелила колющая боль. Анна вцепилась в него еще не веря, что стоит на земле.

На балкон высыпали люди. Кто-то начал спускаться. Кто-то вскинул арбалет.

Данте схватил Анну за руку и понесся в сад. Болт пролетел совсем рядом и глубоко застрял в стволе яблони. Спиной они ощущали, как преследователи уже несутся за ними.

У задних ворот усадьбы стояло двое. На вид совсем оборванцы. Почти что в лохмотьях, голодные и злые.

Данте сделал обманное движение, удар прошел мимо, и мигом оказался за спиной одного из них. Острые рапиры легко вышло из груди. Стоящий напротив замер, он был совсем еще мальчишка, лет пятнадцать. Костяшки пальцев, сжимавшие тесак, побелели.

— Думал, идешь на прогулку?! — рявкнул Данте.

Мальчишка выронил тесак, резко развернулся и рванулся прочь.

Данте снял с рапиры уже мертвое тело и пинком распахнул деревянную створку небольших ворот. За ними никого не было. Наверняка рассчитывали закончить все быстро, навалившись толпой.

Отовсюду тянуло гарью. В небо тянулись столбы дыма.

Данте вновь взял Анну за руку. Совсем рядом был переулок. Они перебежали небольшую улицу и устремились в глубь него.

Узкий, кривой, зажатый между задними стенами домов. Пахло сыростью и стоячей водой. Где-то наверху хлопало белье на веревках. Здесь начинался квартал купцов и богатых ремесленников. Многие люди, работавшие руками объединялись и покупали тут большие дома. Они почти не имели собственного двора, зато сами постройки были довольно большие и уютные на вид.

— Разделимся! — донеслось сзади. — Они не могли далеко уйти!

Анна уже хотела спросить, что делать, когда Данте вдруг дернул ее в сторону. У стены стояла старая телега.

Опрокинутая набок, полуразвалившаяся, заваленная сверху грязными мешками и досками. Между телегой и каменной стеной оставалось крошечное пространство — слишком узкое, чтобы его заметить с первого взгляда.

Данте откинул один из мокрых мешков и буквально вжал Анну внутрь. Потом протиснулся следом. Места почти не было. Телега пахла мокрым деревом, плесенью и лошадьми.

Анна оказалась зажатой между стеной и Данте так тесно, что не могла даже нормально повернуть голову. Его плечо упиралось в край телеги, а рука закрывала ее почти полностью.

Голоса снаружи становились все ближе.

Девушка вздрогнула. Теплая кровь медленно стекала с бока Данте ей на ладонь.

Сапоги зашлепали по лужам совсем рядом.

— Видел их?

— Нет.

— Не могли же испариться.

Двое остановились буквально в нескольких шагах от телеги. Один из мужчин подошел еще ближе. Анна услышала, как он сплюнул на мостовую.

— Пойдем дальше. Они бы тут не спрятались.

Второй хмыкнул.

— Да тут крыса едва пролезет.

Шаги начали удаляться.

Ночной город будто сошел с ума.

Где-то далеко звенели колокола, слышались выстрелы, крики, треск горящего дерева. Над крышами висело мутное красноватое зарево пожаров. Улицы, еще недавно знакомые и безопасные, теперь казались чужими.

Они бежали уже довольно долго. Данте вел Анну через какие-то узкие переулочки, дворы, темные проходы между домами. Она почти не чувствовала ног. Сердце до сих пор колотилось после бегства из дома, а перед глазами стояло пламя, охватившее часть усадьбы.

Свернули в очередной узкий проулок, настолько узкий, что в нем с трудом могли разойтись два человека. Впереди внезапно показались люди. Четверо мужчин. Обычные горожане. Рабочие или ремесленники.

Но сейчас их лица были перекошены яростью, а в руках поблескивали ножи, топорик и тяжелая дубина.

Один из них первым заметил Анну. Вернее — ее одежду. Даже грязное, перепачканное платье все равно выдавало в ней дворянку.

— Смотрите-ка... — прохрипел он. — Господа решили побегать по нашим улицам.

— Да они из этих... дворцовых крыс.

Данте медленно остановился.

— Отойди назад, — тихо сказал он.

— Думаете, вам теперь есть где прятаться?! — выкрикнул один из мужчин. — Пока наши дети голодали, вы жрали за золотыми столами!

— Убейте их!

Они бросились вперед.

Первый мужчина замахнулся дубиной. Данте шагнул навстречу, рапира сверкнула коротко. Человек захрипел и повалился вперед, зажимая ладонями шею, между пальцев хлынула кровь.

Второй попытался ударить ножом. Данте тяжело ушел в сторону. Перехватил руку, резко вывернул — раздался сухой хруст — и почти одновременно клинок вошел человеку под ребра.

Третий едва успел отшатнуться, но смог всадить короткий нож в плечо Данте. Рапира выпала из руки, нож остался торчать в теле. Данте со всей силы ударил его рукой в лицо, а когда тот потерял равновесие — толкнул под ноги последнему. Оба рухнули на мокрую мостовую. Данте выдернул из плеча нож и напрыгнул на одного из упавших. Тот пытался сопротивляться, схватив Данте рукой за запястье, но он другой рукой бил по ножу будто молотом. Лезвие опускалось все ниже и ниже к шее. Удар. Холодный металл коснулся кожи. Последний удар и нож вошел в шею целиком. Отчаянный крик оборвался. Руки упавшего обмякли, кровь хлынула ртом. Данте резко повел руку в сторону, окончательно его добывая.

Анна стояла будто парализованная. Она никогда раньше не видела смерть так близко.

Последний мужчина вдруг выронил оружие. Упал на колени прямо в лужу.

— П-пожалуйста...

Он тяжело дышал, дрожал всем телом.

— Не надо... прошу...

Голос был полон отчаяния. Данте остановился перед ним. Кровь тяжелыми каплями стекала с клинка в его руке.

— У меня семья... дети...они голодны...я не хотел...

Данте смотрел на него сверху вниз. И вдруг резко сделал шаг вперед и одним коротким движением перерезал тому горло. Мужчина дернулся и захрипел. Глаза закатились. Руки устремились к шее в тщетной попытке зажать рану. На губах проступила красная пена. И он медленно повалился вперед, заливая все вокруг своей кровью.

Анна застыла. Мир будто перестал звучать. К горлу резко подкатил ком, голова закружилась. Она схватилась рукой за стену, чтобы не упасть. Через мгновение ее вырвало. Долго, пока не осталась только желчь.

Когда она утерлась рукавом и подняла глаза, Данте, так же цепляясь за стену, медленно шел к ней. Остановился у лежащей в грязи рапиры. Попытался поднять ее, но внезапно упал и не мог подняться.

Анна ахнула и подбежала к нему, упав на колени. Он дышал, но прерывисто и натужно.

— Данте... — позвала она его. — Данте, что мне делать?!..

Паники в голосе становилось все больше.

— Слушай внимательно... — Данте открыл глаза, — беги еще два квартала прямо и никуда не свора...

— Нет! Я не оставлю тебя тут, дурак! — Голос надломился.

Спорить с Анной было бесполезно. С ее помощью он встал, сначала на колени, потом выпрямился, держа за девушку и стену.

— Моя рапира...

— Сейчас.

Она подняла оружие и вложила ему в ножны.

Держась друг за друга они выбрались из переулочка к широкой улице. Фонари не горели. Из далека доносились крики и выстрелы.

На другой стороне стоял небольшой мост. По нему Данте каждое утро пробегал в сторону старого монастыря.

Когда они были практически на другой стороне улицы, раздался шум копыт. Он стремительно приближался.

— Давай сюда.

Данте повел ее по самодельной лесенке вниз, под мост к маленькому бережку. Несколько человек, торопясь, проскакало прямо над их головами.

Тут оказалось небольшое сухое место, поросшее кустарником и скрытое от глаз со всех сторон.

Под мостом было холодно.

Не тем холодом, который приходит зимой вместе со снегом и ветром, а сырым, речным холодом камня и темной воды. Он пробирался под одежду медленно и терпеливо, будто знал, что человеку все равно некуда бежать.

Город все еще шумел над ними, где-то вдали кричали люди, время от времени раздавался звон колоколов и глухие удары, похожие на выстрелы. Но здесь, под тяжелыми каменными сводами, все это звучало приглушенно, словно происходило в другом мире. Мир над ними продолжал гореть.

А здесь были только сырость, темная вода и двое людей, у которых больше ничего не осталось.

Девушка спохватилась и попыталась разорвать подол платья на лоскуты, чтобы хоть как-нибудь перевязать раны Данте. Руки не слушались, ткань была слишком плотной. Она вытащила рапиру из ножен и надрезала с одной стороны. Закрывший глаза Данте молчаливо позволил себя перевязать. Ткани на плечо не хватило, пришлось отрезать еще один лоскут. Рана была расположена неудобно, девушка не знала как ее перевязать. Расшнуровав его рубашку, она попыталась вложить ткань внутрь к ране, чтобы хоть как-то остановить кровь. С трудом, но получилось.

Анна села рядом с Данте, подтянув колени к груди. Ее пальцы замерзли так сильно, что едва слушались. Платье пропиталось влагой и кровью. Волосы спутались.

Она чувствовала себя странно пустой. Будто вся ее прежняя жизнь осталась там, наверху, вместе с пылающей усадьбой.

Тяжелое дыхание Данте иногда нарушало тишину. Анна украдкой посмотрела на него.

Даже сейчас он пытался держаться прямо, будто одна только осанка могла убедить мир, что с ним все в порядке. Но лицо у него было слишком бледным, а под глазами залегли темные тени.

На повязке проступала кровь. Он заметил ее взгляд.

— Не смотри так, я пока еще не умер.

И зашелся тяжелым кашлем.

— Данте... — позвала его девушка спустя несколько минут.

Он чуть повернул голову.

Анна долго молчала прежде чем продолжить.

— Ты ведь... теперь уйдешь?

Он нахмурился, будто не понял.

— Что?...

Анна судорожно сглотнула.

— У меня больше ничего нет. Отец... денег тоже больше нет. Я не смогу платить тебе так, как платил он.

Несколько секунд под мостом слышалась только вода. Впервые за все годы Анна увидела на его лице не насмешку, не усталость и даже не раздражение. Будто ее слова задели его сильнее любой раны этой ночью.

— Ты правда думаешь, — тихо произнес он, — что меня можно купить?

Анна растерялась.

— Я не это имела в виду...

— Ты имела в виду именно это.

— Данте, я...

На скулах у него заходили желваки.

— Никакие деньги никогда не заставили бы меня делать то, чего я не хочу.

Данте медленно отвернулся и провел ладонью по лицу.

Она вдруг поняла, что действительно никогда не задумывалась, почему Данте вообще оставался рядом все это время.

Почему терпел ее характер. Он всегда делал только то, что хотел. И, возможно, именно поэтому отец ему доверял.

Анна опустила голову, не зная, что сказать. Данте устало выдохнул. Потом слегка поморщился от боли в боку и негромко сказал:

— Вот уж чего я точно не собираюсь делать сейчас, так это бросать тебя одну посреди города, который хочет тебя убить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.